УДК 316

Эмилиана Мангоне (Emiliana Mangone)
Фишано, ИталияСОРОКИН И ИССЛЕДОВАНИЕ
МАССОВЫХ БЕДСТВИЙ*DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.3>

Цель настоящей работы – подчеркнуть, что теории Сорокина, частично забытые или игнорировавшиеся последними поколениями социологов, все еще современны. Их сильная сторона в том, что они базируются на стремлении интегрировать точки зрения и методологии разных гуманитарных и общественных наук. Данная статья основана на анализе исследований Сорокина по проблемам массовых бедствий.

Ключевые слова: массовые бедствия, Питирим Сорокин, общественные науки, общество.

Mangone Emiliana. Sorokin and research of mass disasters

The purpose of the real work – to emphasize that Sorokin's theories which are partially forgotten or ignored by the last generations of sociologists are still modern. Their strength is that they are based on the aspiration to integrate the points of view and methodologies of different humanitarian and social sciences. This article is based on the analysis of researches of Sorokin on problems of mass disasters.

Key words: mass disasters, Pitirim Sorokin, social sciences, society.

1. Причины обращения к Сорокину и проблеме массовых бедствий

Вопрос «почему» всегда ведет к ответу, указывающему на причины и цели. Сам Сорокин не стал бы говорить о причинах и целях – он бы говорил о «значимом взаимодействии». Научное наследие русско-американского социолога, конечно, не поддается легкой интерпретации, и все же попытаемся увидеть связь сорокинского видения будущего с проблемой массовых бедствий. Мы попробуем заразить читателя той характерной для Сорокина *интеллектуальной страстью*, которую Полани определяет как активный познавательный процесс, соединяющий в себе красоту, реальность, ответственность и науку, т.к. «любой процесс исследования, если он не вдохновлен интеллектуальной страстью, неизбежно заводит в пустыню тривиальностей. Наше видение реальности в соответствии с нашим пониманием научной красоты должно подсказывать нам такие вопросы, исследование которых является осмысленным и интересным» [Polanyi, 1958: 143], и при этом никогда не оказывается банальным.

Данная статья не имеет характера юбилейной; автор отталкивается от сказанного в более ранней работе [Mangone, 2017]. Цель ее – подчеркнуть, что идеи Сорокина, частично забытые или игнорировавшиеся последними поколениями социологов, по-прежнему актуальны, а их суть сводится к неустанным усилиям ученого интегрировать позиции и методологию разных гуманитарных и общественных наук.

* Перевод с английского Н.Ф. Зюзева.

Сорокин никогда не отступает от своей идеи неделимой социокультурной троицы (общество, личность и культура), от понимания социологии как науки, исследующей *значимые взаимодействия* между элементами, образующими суперорганические феномены, а также от видения социологии как дисциплины, способной найти пути к улучшению условий человеческой жизни. Исходя из этих теоретических установок, Сорокин представляет свой анализ социокультурных трансформаций, вызываемых массовыми бедствиями (войнами, революцией, голодом, эпидемиями), самым интересным аспектом которого является предложенный им общий принцип этих изменений.

Не вызывает сомнений то, что интерес русско-американского социолога к исследованию массовых бедствий связан с его опытом жизни в России в период революции и гражданской войны, когда он в полной мере испытал на себе их жестокие последствия. Как он отмечает в автобиографии *«Долгий путь. Автобиография Питирима А. Сорокина»* [Sorokin, 1963], эти переживания наложили глубокий отпечаток на его жизнь и мысли. Становление его мировоззрения можно разделить на несколько фаз – в соответствии с событиями личной и семейной жизни. Обращаясь к Уиту Бернетту, он говорит: «...обилие событий было, возможно, самой примечательной чертой моего жизненного пути. За шестьдесят восемь лет я пожил в нескольких культурных атмосферах» [Sorokin, 1958, p.178]. Интеллектуальная задача, которую ставил перед собой Сорокин наряду с частной целью исследования, всегда была одна: открыть ту жизнотворную энергию, которая помогла бы человечеству преодолевать смертоносные кризисы. Исследование массовых бедствий было одним из шагов в этом интеллектуальном странствии.

Человечество переживает период рекурсивных бедствий, и последние оказывают огромное влияние на многие аспекты повседневной жизни: от форм мысли до поведения и от социальной жизни до культурных процессов, происходящих в обществе. Сорокин определяет их как «типичные эффекты», повторяющиеся каждый раз при катастрофах одного и того же типа.

Сорокин утверждает: «Жизнь любого общества есть непрерывная флуктуация между периодами сравнительного благополучия и периодами бедствий. [...] Рано или поздно на смену данному этапу приходит новый отрезок благополучия, который сменяется, в свою очередь, следующим периодом бедствий. Подобным образом такое чередование происходит на всем протяжении существования данного общества» [Sorokin, 2010, p.13]. Наряду с этим русско-американский социолог формулирует также общий закон диверсификации и поляризации последствий катастроф для разных частей населения, подчеркивая, что «[п]од этим принципом подразумевается, что *последствия того или иного бедствия не идентичны – на деле, часто противоположны – для разных лиц и групп соответствующего общества*, поскольку индивиды и группы отличаются друг от друга биологически и психосоциально» [Sorokin, 2010, p.14].

То, что было открыто Сорокиным в середине прошлого века, по-прежнему применимо для описания динамических процессов, происходящих в обществе, пострадавшем от катастрофы. Кризис, вызванный бедствием, не следует рассматривать в качестве *sui generis* (своеобразного. – *лат.*); в нем следует видеть такой эпизод в нормальном течении жизни, который позволяет распознать особенности соци-

альной системы, обычно ускользающие от внимания. Дело в том, что бедствие воздействует на жизненно важные механизмы социально-психологической регуляции и вызывает социальные перемены.

Заключительная глава «Человека и общества в бедствии» посвящена будущему («Взгляд в будущее») и тому, с помощью каких средств можно выходить из кризисов, причиняемых бедствиями (войнами, революцией, голодом, эпидемиями). В ней говорится также об анархии в ценностных представлениях населения, которую можно преодолеть только путем интеграции и более глубокого укоренения ценностей в массовом сознании. В свете этого заявления мы можем сделать вывод о том, что нельзя (во время бедствия или по его прошествии) размышления о будущем отделять от самого общества, поскольку именно из существующих в нем отношений (рассматриваемых как позитивные сами по себе) должны извлекаться идеи по планированию и восстановлению идентификационных стандартов и новой системы потребностей и ценностей.

Все сказанное выше есть описание каузального принципа, в согласии с которым раскрыт бином Сорокин/катастрофы, но самое интересное здесь – это цель, которая завершает ответ на начальный вопрос. Сопряжение каузального принципа и цели определяет то «значимое взаимодействие», которое подтолкнуло автора пойти по данному пути.

В этом смысле содержание нашей цели имеет бинарный характер. С одной стороны, основы теории Сорокина невозможно изменить, однако в нее можно влить новую жизнь, и это задача тех ученых, которые практикуют социологию в изначальном виде, т.е. пытаются поставить ее на службу человечеству. Для этого необходимо способствовать ее дальнейшему развитию в направлении перехода от позитивизма к социокультурному анализу. С другой стороны, необходимо показать, в какой мере – даже сегодня, спустя десятилетия – закон диверсификации и поляризации последствий катастрофы по-прежнему актуален и в какой мере в подверженных бедствиям обществах, какими бы разными они ни были, всегда существует «до» и «после» [Van den Eynde & Veno, 1999]. Поэтому обращение к проблеме преодоления последствий чрезвычайной ситуации становится приоритетом. Держа в уме эту цель/задачу, следует очертить общую динамику, характерную для населения в период установления нового порядка [Mangone, 2018].

Сегодня терминология изменилась, и мы используем термин «катастрофа» (*disaster*), а не «бедствие» (*calamity*), но не изменились последствия этих событий (независимо от их специфики), которые нарушают повседневную жизнь людей. Они остаются прежними, несмотря на то, что ученые расходятся во мнениях относительно того, какие события должно и/или можно включать в эту категорию. Сорокин дал им точное определение и идентифицировал их главные типы (четыре «монстра»: война, революция, эпидемия и голод); он даже применял их к событиям, которые переживал мир в годы его работы над книгой.

Сегодня термин «катастрофа» (*disaster*) стал гораздо более емким понятием, включающим в себя самые разные события – не только войны, эпидемии и стихийные бедствия (землетрясения, наводнения, цунами и т.д.), но и события, способные прерывать нормальное течение жизни индивидов и обществ (не является ли кибер-

така также катастрофой? или террористическая атака? или массовая гибель мигрантов в Средиземном море?).

Катастрофы приводят к разрушению системы социальных отношений, образующая социальные структуры в хаос; они могут стать мощным фактором социальной и культурной мутации. Примерами этого могут служить территории, оккупированные врагом, или места временного расселения людей (лагеря беженцев), спасающихся от опустошительных последствий конфликтов, голода, эпидемий, химического заражения. Катастрофы становятся потрясением и для отдельных лиц, и для социальной структуры в целом. Они вынуждают людей начать с пустого места и заново строить их общество. Поэтому им приходится рисовать себе картину возможного будущего, заново создавать тот проект, который может помочь им выбраться из ситуации кризиса (потери равновесия) и установить новое равновесие.

Чтобы понять реальные последствия бедствия (помимо жертв и материального ущерба), нельзя слишком долго задерживаться на фактическом моменте катастрофы, необходимо двигаться дальше (к тому, что наступает «после») и внимательно наблюдать за происходящим в последующие годы. Наблюдение следует осуществлять, используя самые разные парадигматические и дисциплинарные «линзы». Объектом внимания могут быть, например, постоянная тревога пострадавших за свое будущее, их боль по поводу утраты родных, жилища и имущества, их дезориентация и растерянность из-за вынужденного отказа от повседневных привычек и неспособности найти себе место в новом историко-культурном контексте.

2. Потрясения обыденной жизни: массовые бедствия в исследованиях Сорокина

Первое издание работы Сорокина «Человек и общество в бедствии» вышло в 1942 г., позднее ее переиздали в Соединенных Штатах и Великобритании, и данная статья опирается именно на второе издание [Sorokin, 2010], где ученый продолжает анализ социокультурной динамики. В этой книге Сорокин указывает на то, что при исследовании социокультурных явлений ни социология, ни общественные науки в целом не могут пренебрегать социокультурной триадой, состоящей из общества, личности и культуры [Sorokin, 1948]. Человечество переживает период бедствий, и эти бедствия оказывают огромное влияние на многие аспекты повседневной жизни. Все зависит, конечно, от степени воздействия бедствия. В случае войны, например, армия и население, переживая один и тот же тип бедствия, реагируют на него по-разному [Gillespie, 1942]. Например, риск погибнуть для мирного населения и военных различен (для последних он намного выше).

Воздействие обнаруживается не только на эмоциональном уровне (например, страх), но также и в когнитивных процессах репрезентации, памяти, воображения и структурирования мысли: первая переменная в этом смысле проявляется «в тенденции всех когнитивных процессов к усиливающейся концентрации на бедствии и феноменах, которые непосредственно или косвенно связаны с ним, наряду с увеличивающейся нечувствительностью (начиная с ощущений и восприятий) к посторонним элементам» [Sorokin, 2010, p.28]. Второе важное изменение выражается «в тенденции к распаду единства нашего “эго” и функциональности интеллекта. Это прояв-

ляется в увеличивающейся неспособности к концентрации на объектах, не связанных с бедствием, в растущей зависимости наших взглядов от случайных внешних влияний; в уменьшающейся автономии и способности к саморегулированию наших мыслей, независимо от внешних стимулов; и, наконец, в росте различных форм психических заболеваний. Короче говоря, бедствия вызывают рост умственных нарушений и дезорганизацию» [Sorokin, 2010, p.35]. Эти эффекты часто приводят к ослаблению эго, которое выказывает тенденцию к аморфности и расщеплению, что создает внутренний диссонанс [Festinger, 1957] и провоцирует разные типы поведения, варьирующиеся пропорционально тому, насколько население вовлечено в бедствие.

Для пояснения сошлемся – по причине как повторяемости, так и идентичности – на характер воздействия войны на гражданское население. Следует различать, например, население, подвергающееся периодическим воздушным налетам, и ту часть населения, для которого подобный риск относительно маловероятен. Тем не менее некоторые изменения происходят в обеих группах. Они включают как более общие области, например, экономику и политику, так и более конкретные, например, потерю комфорта и введение ограничений на будничные привычки, тесно связанные с социальными и культурными обстоятельствами.

Более тесно этот аспект связан с проблемой социальной мобильности как результатом разного рода катастроф, включая войну: «Практически в любом нормальном обществе индивиды перемещаются от места к месту горизонтальным образом (между городами, деревнями или средами обитания), а если речь идет о перемещении между социальными позициями – то вертикальным образом [...]. Бедствия ощутимо влияют на оба процесса. По контрасту с постепенным, упорядоченным и добровольным характером миграции и мобильности в нормальные времена, катастрофы делают эти перемещения внезапными, насильственными, хаотичными, как правило, вынужденными и, по сути, трагическими» [Sorokin, 2010, p.106]. Это утверждение было сделано немногим менее века назад, но приходится отметить, что оно остается не только верным, но и применимым к современному обществу; если нужны примеры, то можно вспомнить ситуацию с беженцами из Сирии и других стран, погруженных в конфликты.

Война приводит к разрыву системы социальных отношений, превращая социальную структуру в хаос; она дает начало процессам, которые ведут к социальной и культурной мутации. Последствия этого можно наблюдать на территориях, оккупированных неприятелем, или в местах, используемых для временного поселения людей (лагеря беженцев), спасающихся от ужасов войны; то же самое относится к концентрационным лагерям – как это было во время Второй мировой войны и ряда других войн.

Таковы факторы, драматическим образом меняющие жизнь индивидов и разрушающие социальные структуры; все это заставляет искать пути выхода из кризиса и стремиться к новому состоянию равновесия. Сказанное Сорокиным в середине прошлого века до сих пор актуально для описания динамических процессов, происходящих в обществе, потрясенном войной; более того, кризис, вызванный войной, не следует рассматривать в качестве явления *sui generis*; скорее это эпизод в нормальном течении жизни, позволяющий идентифицировать особенности социаль-

ной системы, которые иначе просто ускользнули бы от нашего внимания: большое бедствие поражает жизненно важные уровни, воздействуя на механизмы социально-психологической регуляции и вызывая социальные перемены. *«В этом смысле бедствия являются одним из мощных и радикальных факторов социальной и культурной динамики. Хотя многие общества, пострадавшие от чрезвычайной ситуации, затем быстро нормализуются (восстанавливая равновесие, единство, институты, систему социальных отношений), тем не менее это новое состояние всегда отличается от предшествовавшего катастрофе»* [Sorokin, 2010, pp.120–121]. В подвергшихся бедствиям обществах, независимо от их природы, всегда есть «до» и «после» [Van den Eynde & Veno, 1999]. Поэтому проблема преодоления последствий чрезвычайной ситуации является приоритетной. Держа в уме эту цель/задачу, следует выявить динамику, характерную для населения в период установления нового порядка [Mangone, 2018]. Новое состояние должно удовлетворять новую систему потребностей, сформировавшуюся в результате внешнего вмешательства в данную социальную систему.

2.1. От бедствий в интерпретации Сорокина к бедствиям в современном обществе

В целом бедствия можно разделить на две макрокатегории: стихийные бедствия и катастрофы, ставшие результатом человеческой деятельности (случайной и преднамеренной). Для чрезвычайных ситуаций такого рода характерны разгул насилия, высокое число жертв, миграция части населения, экономический и социальный ущерб; они также требуют крупномасштабной гуманитарной помощи, при этом спасателям приходится действовать в условиях повышенного риска.

Войны и террористические акты отличает от других бедствий общее чувство страха, потеря доверия к социальным институтам и ощущение нестабильности; кроме того, их последствия выходят за пределы ограниченной сферы конфликта. Их разрушительное воздействие на общество особенно велико, потому что за ними просматриваются чье-то намерение нанести вред и распространить ужас. По этой причине действия по восстановлению (в широком смысле) общества, пораженного «организованным насилием» [Orner & Schnyder, 2003], должны базироваться на системном подходе.

Таким образом, общий принцип, сформулированный Сорокиным, предвосхитил подходы к исследованию бедствий, применявшиеся с начала 1980-х гг. и основанные на (тесно связанных между собой) понятиях *социальной уязвимости* [Phillips et al. 2010] и *сопротивляемости* [Manuena, 2006]. Как считал Сорокин, для разных индивидов и групп последствия катастроф разные, и причина этого заключается не только в различной степени их вовлеченности в эти события, но и в различиях между типами бедствий. Именно вследствие различий между типами бедствий и видами реакции на них со стороны индивидов и обществ – в зависимости от их способности или неспособности (типичных для данных систем социального взаимодействия институтов и культурных ценностей) к сопротивлению негативному воздействию (*социальная уязвимость*) – исследование как бедствий, так и деятельности по оказанию помощи пострадавшим должно основываться на интегрированном междисципли-

«Наследие» № 1 (14) (2019)

нарном подходе [Piaget, 1972]. Для решения этой задачи Сорокин сформировал теорию интегрализма (1958), которая соединяет в себе три формы знания (эмпирически-сенсорное, рационально-сознательное и сверхчувственно-сверхрациональное), приобретаемые тремя способами (посредством ощущений, разума и интуиции).

Чтобы понять всю полноту разрушений, нанесенных бедствием – а они не ограничиваются только жертвами и материальным ущербом, – необходимо «оторваться» от момента катастрофы и двигаться дальше, к тому, что происходит затем (после завершения войны и стихийного бедствия), и наблюдать за событиями с использованием разных парадигматических и дисциплинарных «линз». Объектами наблюдения могут быть постоянная тревога за будущее, испытываемая жертвами бедствия, боль от потери близких людей и имущества, дезориентация из-за вынужденного отказа от повседневных привычек, неспособность найти себе место в новом историческом и культурном контексте. Все это означает не только то, что помощь жизненно необходима, но и то, что с точки зрения «прогнозирования» бедствий здесь осуществляется переход от задачи объяснения (*erklären*) к задаче понимания (*verstehen*). Поиск причин социокультурного феномена (в данном случае бедствия) должен касаться не *причины*, а *смысла*, т.е. того, что может служить ключом к интерпретации динамики взаимодействий между индивидами и обществами.

3. Исследование бедствий и общественные науки

В свете идеи Сорокина относительно того, что «жизнь любого общества – это непрерывные флуктуации между периодами сравнительного благополучия и бедствий» [Sorokin, 2010, p.14], и в соответствии с *законом диверсификации и поляризации от последствий катастроф* можно утверждать, что для изучения массовых бедствий и их последствий необходимо учитывать два момента. (1) Время и пространство (социальная среда) являются центральными категориями социального анализа, образующими два отличительных и неотъемлемых элемента феноменологии бедствий и жизни вовлеченных в них людей. На самом деле, бедствия можно воспринимать – и, следовательно, изучать – в их постепенном развитии, т.е. по мере их вторжения в конгломерат индивидуального опыта и ситуации; или же они могут стать предметом последующей рефлексии – если мы размышляем о них уже после того, как испытания остались в прошлом. В первом случае личная история совпадает с опытом, и их нельзя отделять друг от друга; во втором, напротив, размышления о прошлом означают, что оно рассматривается как нечто отдельное от личного опыта. Таким образом, время перестает быть унитарным, и осознание этого означает, что люди ориентируются в своих действиях/взаимодействиях в соответствии с временными и пространственными параметрами (социальным и историческим контекстом). (2) Исследование бедствий должно осуществляться на трех разных уровнях анализа, применяемых в социологии и других общественных науках: (а) *макросоциальный* уровень (социальные системы и формы их организации); (б) *микросоциальный* уровень (индивид и его социальная деятельность); (с) *мезосоциальный* уровень (взаимодействие между социальной системой и живым миром, где последнее понимается как комплекс значений и представлений данной культуры). Сочетание этих трех уровней анализа подразумевает интеллектуальное действие, которое выходит

за рамки «узко дисциплинарных» точек зрения и/или методов исследования (качественных и количественных). Исследование бедствий и применяемые при этом методики должны ориентироваться на интеграцию субъективного и объективного. Объединяющим элементом должна служить интерпретация реальности через отношения между людьми, а также отношения между индивидами, обществом и культурой [Sorokin, 1962]. Поскольку индивиды являются взаимодействующими агентами (в повседневной жизни и в институтах), все эти аспекты следует читать как *корреляцию интерпретаций*, а не просто как ответ на вопрос о причинах явлений.

Для изучения бедствий необходимо использовать комплексное сочетание факторов, дисциплин и исследовательских методик. Выводы социологии и других общественных наук следует объединить в единую интегрированную систему знания (интегральные общественные науки) – в соответствии с интегрализмом Сорокина, – которая должна концентрироваться на всех аспектах трансформации общества (в холистическом смысле: аспекты личности, общества и культуры).

В XXI веке бедствия стали гораздо более сложными, чем в прошлом – в свое время Сорокин подчеркивал комплексный характер этих явлений и их множественные последствия на личном, культурном и социальном уровнях. Попробуем сформулировать окончательные выводы по рассмотренным вопросам: 1) изучение катастроф – как уже говорилось – нельзя ограничить отдельными дисциплинами (социологией, психологией, историей и т.д.). Следует раздвинуть их границы, чтобы дать место междисциплинарному подходу с перспективой энергичного сотрудничества политических, естественных и социальных наук. Кроме того, поскольку стихийные бедствия не имеют национальных границ, необходимо проводить больше сравнительных исследований (межкультурный аспект) для выявления взаимосвязей, моделей и оптимальных практик, которые можно было бы обобщать и использовать для борьбы с массовыми бедствиями; 2) категорию «бедствия» следует считать виртуальной в том смысле, что она не может охватывать только те события, которые обычно определяются как таковые (стихийные бедствия, войны, терроризм и т.д.), в нее необходимо включать события, в которых физические обстоятельства сочетаются с социальными страданиями и потрясениями [Kreps, 2001], например, кибератаки; 3) бедствия последних десятилетий показали нам, что уязвимость возрастает (как в связи с природными трансформациями, например, парниковым эффектом, так и в связи со склонностью некоторых индивидов к риску), и именно поэтому необходимо принять меры по предотвращению рисков и профилактике катастроф на местном, национальном и международном уровнях.

Мир, свободный от бедствий, немислим, но можно представить себе мир, в котором негативные последствия подобных событий минимизированы или даже полностью предотвращены (включая войны, террористические атаки и кибератаки). В конце концов, как утверждал Сорокин, будущее человечества находится в руках самого человечества (1958). Эту задачу не под силу решить главным социальным институтам самим по себе: образование, религия, экономика, наука (хотя последняя играет важную роль в улучшении жизни людей и общества) бессильны в одиночку. Только человечество в целом может справиться с ней, а все его составные части должны соответствовать определенным характеристикам: «Мирное, гармоничное

и творческое общество может существовать только тогда, когда его члены обладают достаточным минимумом любви, сочувствия и сострадания, гарантирующим взаимопомощь, сотрудничество и справедливое отношение. При этих условиях его члены сливаются в единое коллективное “мы”, в котором радости и печали одного человека разделяются всеми другими» [Sorokin, 1948, p.57]. Эта блестящая догадка указывает социологам на необходимость применения системного подхода к исследованию бедствий, начиная с допущения того, что коллективная травма требует коллективных стратегий. Воздействовать на общество – значит воздействовать на него на нескольких уровнях (индивидуальном, семейном, институциональном и социальном), поскольку нормализация общества должна осуществляться на основе укрепления сохраняющихся сетей и структур, восстановлении ранее существовавших связей и созидании новых.

Посредством системного и методологически обоснованного наблюдения – рассматриваемого как главное средство к преодолению «социальной физики» Конта – мы можем заложить фундамент для построения интегрированной системы знаний, достигнутых на основе интегральной социологии. «Поэтому необходимо переопределить парадигмы социологии и других общественных наук в таком направлении, в котором можно будет объединить разные измерения (макро-, мезо- и микро-)» [Mangone, 2017, p.86]. В то же время мы должны держать двери открытыми для свободного и автономного научного размышления (что Сорокин предлагал уже много лет тому назад), но последнее обязательно должно ставить целью практическую реализуемость. В случае борьбы с массовыми бедствиями оно не обязано давать готовые ответы, но от него будут ждать рекомендаций и *инструментов*, которые послужат руководством к деятельности по построению общества, «приемлемого» для людей. Поэтому желательно, чтобы интегральная теория массовых бедствий развивалась в сторону рефлексивного знания, способного стимулировать положительное взаимодействие между индивидами и в среде их обитания.

Литература

- Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance, Stanford University Press, Stanford. 1957.
- Gillespie R.D.* Psychological Effects of War on Citizen and Soldier, Norton, New York. 1942.
- Kreps G.A.* “Disasters, Sociology of”, in N.J. Smelser, P.B. Baltes (eds.), The international encyclopedia of the social and behavioral sciences (Vol. 6, pp. 3718–3721), Elsevier, Oxford. 2001.
- Mangone E.* Social and Cultural Dynamics. Revisiting the Work of Pitirim A. Sorokin, Springer, Cham. 2017.
- Mangone E.* “The Reconstruction of a New System of Needs after a Post-War Emergency”, in S. Schlieuwe, N. Chaudhary, G. Marsico (eds), Cultural Psychology of Intervention in the Globalized World (pp. 135–154), Charlotte, N.C. USA, Information Age Publishing Inc. 2018.
- Manyena S.B.* The concept of resilience, «Disasters», 30(4), 2006. – pp. 433–450.
- Orner R., Schnyder U. (eds).* Reconstructing Early Intervention After Trauma. Innovations in the Care of Survivors, Oxford University Press, Oxford. 2003.
- Phillips B.D., Thomas D.S.K., Fothergill A., Blinn-Pike L. (eds.).* Social Vulnerability to Disaster, CRC, Boca Raton. 2010.
- Piaget J.* “L’épistémologie des relations interdisciplinaires”, in OCDE (ed.), L’interdisciplinarité: problèmes d’enseignement et de recherche dans les universités, OCDE, Paris. 1972. Retrieved June 20, 2015, from http://www.fondationjeanpiaget.ch/fjp/site/textes/VE/jp72_epist_relai_interdis.pdf.
- Polanyi M.* Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy, Routledge, Londra. 1958.
- Sorokin P.A.* The Reconstruction of Humanity, The Bacon Press, Boston. 1948.

- Sorokin P.A.* “Integralism is My Philosophy”, in W. Burnett (ed), *This is my Philosophy. Twenty of the World’s Outstanding Thinkers reveal the Deepest Meaning they have found in Life* (pp. 180–189), George Allen & Unwin Ltd, London. 1958.
- Sorokin P.A.* *Society, Culture, and Personality. The Structure and Dynamics. A System of General Sociology*, Cooper Square Publishers, New York. 1962.
- Sorokin P.A.* *A Long journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven: College and University Press. 1963.
- Sorokin P.A.* *Man and Society in Calamity*, Transaction Publishers, Brunswick (U.S.A.) e London (U.K.). 2010.
- Van de Eynde J., Veno, A.* “Coping with Disastrous Events: An Empowering Model of Community Healing”, in R. Gist, B. Lubin (Eds), *Response to Disaster. Psychosocial Community and Ecological Approaches* (pp. 167–192), Brunner/Mazel, Philadelphia. 1999.